

быд выдержанный петербуржец и мог казаться холодным, — он, который был весь огонь».

«Говорил он мало. Говорил короткими фразами, которые подчас трудно вспомнить». Еще любопытны замечания о связи шахматовского пейзажа (подмосковной усадьбы) с стихотворениями «Нечаянной Радости», любопытны мелочи из литературной жизни того времени.

Совсем иное впечатление оставляет статья-речь, произнесенная в заседании Вольфилы. Это очень неясная, очень натянутая попытка связать три книги поэта, пользуясь антропософской символикой. «Цвета Блока» толкуются в оккультном смысле: «сине-серый цвет эпохи 97—99-го годов сменяется красным цветом зари», потом «исчезает зря и появляется лилово-зеленый тон».

Быть может, кому-нибудь из «посвященных» это что-нибудь и говорит, но мы предпочитаем более простой способ мышления, доведенный А. Белым до какой-то принципиальной загадочности. Тут же, как полагается, разбросаны суждения о «софийности», о Данте, о второй части Фауста, суждения, несмотря на мистический туман, довольно поверхностные, и сшитые на живую нитку.

Ясно одно, — или стихотворения Блока должны выдержать испытание, как стихи, как поэзия, или они только воспоминания, связанные с символизмом.

Нам думается, не стоит выдвигать последнего в ущерб первому. Поэтому гораздо правильнее поступил К. Чуковский, занявшийся Блоком, как поэтом по преимуществу. Его книга — это, пожалуй, записки критика-читателя, не до конца полные, но ценные умением наблюдать, без псевдо-учености. Конечно, здесь много психологии, переживания, субъективности, но без этого, в конце концов, не пишутся книги о поэтах. Основная мысль, поскольку речь идет о духовном облике Блока — его двойственность (эту же черту отмечает Перцев). — «Тут та изумительная двойственность, в которой было главное обаяние лирики Блока: пафос, разъедаемый иронией; ирония, побеждаемая лирикой; хула и хвала одновременно. Все двоилось у него в душе, и причудливы были те со-

четания веры с безверием, которые сделали его столь близким современной душе». Очень верно подмечена и тайна власти лирики Блока — его ритм, напевность, действовавшие помимо, иногда вопреки очевидному смыслу слов. Вообще книга Чуковского нам кажется наиболее ценной из всего, сказанного о Блоке до сих пор.

Конечно, во всех статьях и книгах говорится об отношении Блока к революции. Этому целиком посвящена брошюра Львова-Рогачевского, которую мы назовем публицистической лирикой, или лирикой публициста со всеми неизбежными недостатками такого жанра.

Почти все сходятся в оценке «Двенадцати» в том, чем была для Блока революционная Россия. «Несомненно, — говорит Чуковский, — нашу революцию он принял лишь постольку, поскольку она воплотила в себе русскую народную бунтующую душу, ту самую, которую воспел, напр., Достоевский».

Эту мысль с некоторыми оттенками можно встретить и у остальных авторов, так или иначе, но она представляется наиболее правдоподобной.

Н. Локс.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ. Поэт - пророк. Памяти А. Блока. Т-во «Книгоиздательство писателей в Москве». 1921. Стр. 50.

В 1920 г. в своих «Очерках по истории новейшей русской литературы» (1881—1919 г.) В.Л. Львов-Рогачевский нашел возможным уделить Блоку всего только несколько *строк*, несколько общих фраз (зато Сергееву-Ценскому отведена целая глава, полная восторженных похвал). Блок трактуется здесь, как «тихо грезящий поэт», который «ждет в чадном ресторанчике, и в балаганчике, и в тихом монастыре» явления Прекрасной Дамы. «Этому отуманиванию, — поясняет критик, — помогает порой «Ресторанчик», «Кабачек», воспетый неоднократно тихо грезящим поэтом» (стр. 78).!

В 1921 г. — под непосредственным впечатлением смерти Блока и пышных литературных тризнов, критик спохватился и наспех набросал популярно-критический очерк.

Поэт, которого критик почти не при- метил даже в 1920-ом году, оказался в 21-ом не только большим поэтом, но— конечно—и пророком. Пророком чего?

Разумеется, русской революции 1917-го года. «Великая революция и Блок—про- рок ее», возглашает критик (стр. 4).

Как все это просто!

Популярно - критический набросок Львова-Рогачевского ценен, как живой, импрессионистски - непосредственный, эмоционально-лирический, тепло-душев- ный, мягко-интеллигентский отклик на смерть поэта. Это подкупает.—И только.

Рассчитан этюд на широкую, но не взыскательную аудиторию. Подход—со- циологический, но неопределенно-социо- логический (не марксистский). Элемент анализа почти отсутствует. А между тем Блок дает порою богатый материал именно для марксистского анализа, хотя бы Блок 1905—1906 г. («Нечаянная Ра- дость», «Балаганчик», «Король на пло- щади»). Термин «пророк» взят уже в слишком широком смысле, повторяется уже слишком часто и... дешевет с ка- ждой страничкой.

Трактовать Блока, как «светлого Про- рока» русской революции и противо- полагать его «мрачному пророку» ее— Достоевскому, значит, бесконечно упро- щать тот сложный, полный внутренних противоречий, почти «надрывный» под- ход к революции 1905 и 1917 г. г., какой дан в соответствующих местах у Блока «Король на площади», «Двенадцать», «Скифы», «Россия и интеллигенция»).

Совсем неубедительно звучит поспеш- ный вывод: Блок не декадент (против Чулкова), а поэт варварской и нежной России (стр. 41); Блок—поэт не упадка, а восхода (стр. 43).

Подлинный Блок — конечно — и то, и другое. Прошедшее и грядущее, старый мир и мир новый вели в душе поэта мучительно-длительный и тяжелый спор; отношение к революциям пятого и сем- надцатого года неминуемо оказывалось *двойственным*. Пора это признать.

Брошюра Львова-Рогачевского напи- сана на скорую руку, дилетантски- многословно, провинциально - неряш- ливо.

Есть искажения блоковского текста: «музыкальный номер» (стр. 19) вм.

«музыкальный *напор*» «благоуханной *тмишью*» (стр. 32) вм. «Благоуханной *глушью*».

Есть и прямая ошибка:

«Соловьиный сад» отнесен к 1918 г. и назван «лебединой песнью» поэта (вер- нее не лебединая, а соловьиная песня— глубокомысленно поправляется критик, стр. 24).

В этом 1918 г. А. Блок резко и неод- нократно подчеркивает самую тесную связь поэта с эпохой. В особенности ярко, в изумительной поэтической форме, с редкой красотой и прежней нежностью «не от мира сего» пропел об этом Блок в своем лучшем произведении: «Соловь- иный сад» (стр. 24). «Эта поэма была написана в 1918 г.»—упорствует (стр.27) критик.

Увы! Быть «лебединой» песнью поэта или подчеркивать «самую тесную связь» с эпохой 1918 года «Соловьиный сад» *никак* не может по той простой причине, что написан он 14 октября 1915 года. И «социологический» анализ, построен- ный (стр. 24—27) на этом произвольном датировании,—оказывается мнимым.

А. Цинговатов.

ЧЕХОВ. Новые письма (из собраний Пуш- кинского Дома) под редакцией Б. Л. Мод- залевского. Атеней. 1922. 160 стр.

Как и следовало ожидать, шеститом- ное собрание писем А. П. Чехова по- степенно дополняется новыми эпистоляр- ными материалами. В симферопольском сборнике «Отчизна» мы встретили связ- ку писем Чехова; в частных собраниях и государственных архивах хранятся его письма; в Петербурге готовится большой том писем Чехова к О. Л. Книппер. Атенейский томик дает пол- сотни новых писем за разные годы (от 1888 до 1904 к разным лицам—к И. Л. Леонтьеву, В. Л. Кигну-Дедлову, А. Ф. Марксу, П. А. Сергеенко и др. Снаб- женные обстоятельными объяснитель- ными примечаниями редактора, письма дают не мало значительных подробностей литературной и биографической истории Чехова.

В 1888 году он признается: «театра я не люблю», «для сцены у меня нет люб-